

Марксизм и формирование теоретико-методологических взглядов историка-юриста Бориса Ивановича Сыромятникова

М. А. Киселев

Для цитирования: *Киселев М. А.* Марксизм и формирование теоретико-методологических взглядов историка-юриста Бориса Ивановича Сыромятникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 921–938.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.313>

Статья посвящена осмыслению теоретико-методологических основ научной деятельности одного из ведущих российских дореволюционных историков права Б. И. Сыромятникова. В историографии его принято изображать как представителя критического позитивизма и сторонника факторного подхода к истории. На основе анализа сведений о его общественной деятельности и научных интересах на рубеже XIX и XX вв. показывается, что он проявлял существенный интерес к социальной проблематике, связанной с нелегальной литературой социалистического толка, а также к современной социологической мысли, включая марксизм. После европейской научной поездки с 1903 по 1905 г. внимание молодого историка к работам К. Маркса только укрепилось, что получило отражение в текстах, которые он издал в виде публицистических статей по возвращении в Россию. На основании анализа впервые вводимых в научный оборот статей Б. И. Сыромятникова, вышедших в годы Первой русской революции, показывается, что к 1906 г. он в своих научных построениях активно привлекал идеи и аналитические категории (социально-экономическая формация, классовая борьба) К. Маркса и его последователей (А. Бебеля, К. Каутского и др.). Кроме того, в политическом плане он проявлял симпатию к правым социалистам типа Э. Бернштейна и Э. Вандервельде. Исходя из подходов мыслителей такого рода, Б. И. Сыромятников определял современные ему политические события в России как либеральную революцию, в связи с чем считал преждевременной социалистическую повестку. Опираясь на марксистские идеи, а также на сравнительно-исторический метод, историк смог также создать к 1905 г. оригинальную целостную концепцию смены в России форм политической организации общества от вечевой демократии до абсолютистского государства. Благодаря тому, что эта схема была выработана с привлечением марксистских идей, Б. И. Сыромятников впоследствии смог воспроизвести ее в рамках советской исторической науки.

Ключевые слова: Б. И. Сыромятников, история исторической науки, марксизм, Первая русская революция 1905–1907 гг., Российская империя.

Михаил Александрович Киселев — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; m.a.kiselev@urfu.ru

Mikhail A. Kiselev — PhD in History, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, ul. S. Kovalevskoi, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation; m.a.kiselev@urfu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Marxism and the Development of Theoretical and Methodological Views of Law Historian Boris Ivanovich Syromiatnikov

M. A. Kiselev

For citation: Kiselev M. A. Marxism and the Development of Theoretical and Methodological Views of Law Historian Boris Ivanovich Syromiatnikov. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 3, pp. 921–938. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.313> (In Russian)

The article is devoted to the rethinking of theoretical and methodological foundations of the scholarly activities of B. I. Syromiatnikov, who was one of the leading Russian pre-revolutionary law historians. In historiography he has been described as a representative of critical positivism and a supporter of a factor approach to history. On the basis of information about his social activities and academic interests at the turn of the 19th and 20th centuries, the article demonstrates that he took a considerable interest in social problems and illegal socialist literature as well as in modern sociological thought, including Marxism. His European study trip from 1903 to 1905 only strengthened the interest in the works of Karl Marx. The examination of the journalistic articles by Syromiatnikov, published in the years of the First Russian Revolution, shows that by 1906 he had used ideas and analytical categories (socio-economic formation, class struggle) of K. Marx and his followers (A. Bebel, K. Kautsky). In addition, he sympathized with right-wing socialists such as E. Bernstein and E. Vandervelde. Following the approaches of such thinkers, Syromiatnikov defined the contemporary political events in Russia as a liberal revolution, and considered that the socialist agenda was premature for Russia. Based on Marxist ideas and on the comparative historical method, the historian created in 1905 an original concept of the changes in forms of political organization of society in Russia from *veche* democracy to an absolutist state. Due to the fact that this scheme was developed with the use of Marxist ideas, Syromiatnikov was able to reproduce it in the framework of Soviet historical science.

Keywords: B. I. Syromiatnikov, history of historical science, Marxism, First Russian Revolution 1905–1907, Russian Empire.

Борис Иванович Сыромятников (1874–1947) был одним наиболее ярких отечественных историков права первой половины XX в. Он уже к 1917 г. был признанным специалистом по истории русского права. Так, А. А. Кизеветтер писал про сыромятниковскую работу 1915 г. «Очерк истории суда в древней и новой России», что «к этой чрезвычайно живой и талантливой статье не раз будут обращаться интересующиеся русской историей и историей русского права»¹.

Несмотря на неприятие власти большевиков едва ли не до конца жизни, о чем известно из мемуарных свидетельств его близких², Сыромятникову удалось встроиться в советскую историко-правовую науку. Как результат, он уже в СССР опубликовал ряд работ, посвященных древнерусскому праву, политическим учениям XVI–XIX вв., абсолютизму Петра I, движению декабристов и истории промышленности³. Более того, в 1940-х гг. Сыромятников оказался одним из ключевых оп-

¹ Кизеветтер А. А. История русского суда и судебной реформы // Русские ведомости. 1915. № 41. С. 5.

² Иванов В. В. Голубой зверь (Воспоминания) // Звезда. 1995. № 1. С. 177.

³ Библиографию его работ см.: Дурновцев В. И., Тихонов В. В. Жизнь и труды историка Б. И. Сыромятникова. М., 2012. С. 472–478.

понентов в дискуссиях с Б. Д. Грековым по вопросу о существовании феодализма в Киевской Руси, а в спорах по Сыромятниковской книге 1943 г. «“Регулярное” государство Петра I и его идеология» приняли участие ведущие историки того времени — К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, Б. Б. Кафенгауз, В. И. Лебедев, А. М. Панкратова, С. В. Юшков⁴. При этом Борис Иванович еще в своих дореволюционных работах предвосхитил ряд важных концептуальных построений советских историков, связанных с представлениями о господстве в средневековой Руси феодализма, а также с определением Московского царства как сословно-представительной монархии, а Российской империи — как абсолютной монархии. В связи с этим неудивительно, что биография и научное творчество историка до сих пор вызывают интерес у исследователей, занимающихся проблемами преемственности и дисконтинуитета концепций и подходов, представленных в отечественной исторической науке до 1917 г. и после установления советской власти, а также границ свободы научного поиска у историков «старой школы» в новых политических реалиях⁵.

В историографии встраивание Б. И. Сыромятникова в советскую историческую науку на теоретико-методологическом уровне связывается прежде всего с практикой вынужденного после прихода к власти большевиков для историков «старой школы» освоения марксизма хотя бы на уровне риторики. В. А. Муравьев, не отрицая некоторого интереса Бориса Ивановича к марксизму до 1917 г., полагал, что только «в начале 1920 гг. в мировоззрении Сыромятникова начинается поворот к марксизму», на что указывали «многочисленные конспекты и выписки Сыромятникова из трудов Маркса, Энгельса и Ленина, из работ Покровского»⁶. При этом высказываются сомнения в полноте и глубине овладения историком марксизмом. И. Л. Беленький, говоря о книге Сыромятникова 1943 г., посвященной абсолютизму Петра I, полагает, что «многочисленные обращения к трудам “классиков марксизма-ленинизма” и формулирование основных задач исследования на теоретическом языке, близком к построениям М. Н. Покровского, ни в какой мере не могут скрыть органической связи идей книги с ранними работами автора»⁷. В. В. Тихонов полностью поддержал этот вывод⁸. Получается, что дореволюционным работам Сыромятникова марксизм не был органически присущ и даже к 1943 г. он был чем-то внешним. Итак, судьба сыромятниковского научного творчества, описываемого как переход от свободных методологических поисков начала XX в. к мимикрирова-

⁴ Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 122–123, 152–153; Тихонов В. В. Историк «старой школы». Научная биография Б. И. Сыромятникова. Pisa, 2008. С. 96–103, 124–125.

⁵ См.: Муравьев В. А.: 1) Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси // История и историки. Историографический ежегодник. 1973 / отв. ред. М. А. Нечкина. М., 1975. С. 128–160; 2) Сыромятников Борис Иванович (1874–1947) // Историки России. Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001. С. 524–530; 3) Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в. М., 2017. С. 212–288; Emmons T. On the Problem of Russia's “Separate Path” in Late Imperial Historiography // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State / ed. by Th. Sanders. New York, 1999. P. 171–174; Беленький И. Л. Борис Иванович Сыромятников (1874–1947) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 204–213; Тихонов В. В. Историк «старой школы»; Дурновцев В. И., Тихонов В. В. Жизнь и труды историка Б. И. Сыромятникова. М., 2012.

⁶ Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии... С. 221.

⁷ Беленький И. Л. Борис Иванович Сыромятников (1874–1947). С. 209.

⁸ Тихонов В. В. Жизнь и научная деятельность Б. И. Сыромятникова // История и историки: историографический вестник. 2007 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2009. С. 299.

нию под марксистскую риторику при советской власти, оказывается типичной для отечественного историка «старой школы».

В настоящей работе мы на основе привлечения комплекса источников, ранее не использовавшихся исследователями, попытаемся пересмотреть вопрос о том, когда именно мог произойти поворот к марксизму у Б. И. Сыромятникова в его теоретико-методологических взглядах. В свою очередь, это позволит скорректировать представления как о влиянии марксизма на русскую дореволюционную историографию, так и о специфике его бытования в ее рамках до 1917 г.

В автобиографии 1945 г. Б. И. Сыромятников писал: «Окончив в 1895 г. Московскую 3 гимназию, я покинул семью и с тех пор жил самостоятельно, содержа себя частными уроками»⁹. При этом еще в период обучения в гимназии вокруг него и его старшего брата Аркадия сложился небольшой кружок учеников, увлекавшихся чтением литературы, в том числе народнического направления, а точнее — произведений Г. И. Успенского¹⁰.

После поступления в 1895 г. на юридический факультет Московского университета Б. И. Сыромятников активно включился в оппозиционную общественно-политическую деятельность. Он принимал участие в работе Союзного совета землячеств Московского университета — представительном органе всех территориальных объединений студентов, бывшим одним из организационных центров студенческого общественно-политического движения. Согласно видному большевику Н. А. Семашко, в конце XIX в. «Союзный совет играл в то время громадную роль, далеко выходящую из рамок чисто студенческих дел». Он вспоминал, что из участников этой организации вышел «длиннейший ряд виднейших лидеров различных политических партий», указав для примера «из либералов — Б. Сыромятникова, Дживилегова, социал-революционера Чернова»¹¹. Социал-демократами в том числе там были Н. А. Семашко, И. Ф. Блинов, А. А. Богданов, В. А. Базаров (Руднев)¹². Сам Сыромятников о своей деятельности конца XIX в. писал в автобиографии 1945 г.: «Студентом я активно работал в подпольных организациях и принял участие в студенческом движении, организуя с товарищами забастовки и публичные (уличные) демонстрации»¹³.

В историческом источнике, опубликованном еще в 1965 г., но не попавшем в поле зрения исследователей жизни и творчества Бориса Ивановича, сохранились уникальные свидетельства о Сыромятникове-студенте. Это мемуары Анны Сергеевны Курской (в девичестве Рогинской), дочери состоятельного купца, ставшей членом РСДРП(б) и женой видного большевика Д. И. Курского. Она вспоминала о небольшом гимназическо-студенческом кружке, собиравшемся в доме ее родителей, «общим кумиром» которого был Сыромятников. При этом Курская зафиксировала интеллектуальные ориентиры Бориса Ивановича конца 1890-х гг. Когда она

⁹ Сыромятников Б. И. Автобиография // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9506. Оп. 14. Д. 132. Л. 9.

¹⁰ Летописи Государственного литературного музея. Кн. IV. Глеб Успенский / под ред. А. С. Глинки-Волжского, Г. А. Лемана. М., 1939. С. 276–277.

¹¹ Семашко Н. А. Былое... 1893 и 95 гг. // На заре рабочего движения в Москве. М., 1919. С. 138–139.

¹² Ткаченко П. С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958. С. 227.

¹³ Сыромятников Б. И. Автобиография. Л. 9.

с сестрами и подругами решила организовать кружок с целью «воспитания реалистического мировоззрения», он подготовил для них список литературы: «В этом списке, помню, были книги: Маркса и Энгельса “Коммунистический манифест”, Энгельса “От утопии к науке”, Бельтова (Плеханова) “К вопросу о развитии монистического взгляда на историю”, Миртова (Лаврова) “Исторические письма”, Липперта “История культуры”, Сеченова “Рефлексы головного мозга”, ряд брошюр Тимирязева и другие». Однако чтением одной научной литературы просвещение Курской не ограничивалось: «Самое сильное впечатление произвели на меня маленькие брошюры, напечатанные компактным шрифтом на тонкой бумаге, которые Борис Иванович таинственно извлекал из каких-то потайных карманов своего костюма. Он наказывал нам тщательно прятать их от посторонних глаз, особенно родительских. Это была политическая нелегальная литература. В брошюрах доступным языком излагалась правда о царе и его министрах, рассказывалось о несметных доходах царя и помещиков, о бешеных прибылях фабрикантов и заводчиков, о нищенской жизни и непосильном труде рабочих, о темноте и рабстве крестьян»¹⁴. Итак, мемуары Курской довольно четко фиксируют интерес юного Сыромятникова не только к социальной проблематике, которая была связана с чтением нелегальной литературы социалистического толка, а и к современной научной мысли, включая исторический материализм в его марксистском изводе.

После 1898 г. Б. И. Сыромятников отошел от активной общественно-политической деятельности и перенаправил свою энергию на учебу и науку. Он успешно окончил в 1899 г. юридический факультет Московского университета и даже был оставлен при кафедре истории русского права для подготовки к магистерскому экзамену на два года, хотя первоначально и без стипендии¹⁵. Кроме того, между 1 февраля 1900 и 1 февраля 1901 г. Сыромятников стал членом-сотрудником Педагогического общества при Московском университете, которое возглавлял П. Г. Виноградов¹⁶.

К этому времени в Отделении преподавателей истории, помимо педагогических вопросов, весьма активно дебатировались научные проблемы, а в их обсуждении участвовали весьма перспективные начинающие историки. В 1902 г. председателем бюро этого Отделения был С. П. Моравский, товарищем председателя — М. Н. Покровский, а в обсуждениях докладов принимали участие А. К. Дживелегов, М. М. Богословский, Н. М. Никольский, Н. А. Рожков, А. А. Кизеветтер, Ю. В. Готье, В. П. Потемкин, А. Н. Савин¹⁷. Как видно из этого списка, в данном обществе подвизались не просто молодые ученые, а люди, довольно активно интересовавшиеся политикой. Так, Дживилегов, Кизеветтер и Готье в итоге окажутся видными деятелями партии кадетов, а Покровский, Рожков и Потемкин — РСДРП, к которой весьма близок будет Никольский. Таким образом, научная деятельность Б. И. Сыромятни-

¹⁴ Курская А. С. Пережитое. М., 1965. С. 9–10, 15–16.

¹⁵ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1900 год. М., 1901. С. 282.

¹⁶ Отчет о деятельности Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете, за 1899/900 год. М., 1901. С. 158; Отчет о деятельности Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете за 1900–1901 год. М., 1902. Прил. 4. С. 50.

¹⁷ Отчет о деятельности Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете за 1900–1901 год. С. 52, 53, 55, 57.

ков протекала в сообществе, довольно политизированном. Можно сказать, что это было молодым научным сообществом как историков в политике, так и политиков в истории.

В качестве примера того, какие проблемы дебатировались на заседаниях Отделения преподавателей истории, можно привести доклад Н. М. Никольского «Византия в курсе истории средней школы», заслушанный 13 февраля 1902 г. В нем утверждалась необходимость изложения материала в систематическом порядке, что позволило бы дать учащимся «ясное представление о ходе исторического процесса», и история стала бы для них «столь же определенной наукой, как математика или естествоведение». Главная цель курса — это «внушение понятия о закономерности исторического развития», что должно быть достигнуто «рядом конкретных примеров, сравниваемых между собой». Соответственно, «история Византии может быть утилизирована как необходимый пример при рассмотрении образования феодальных порядков». Докладчика поддержали Б. И. Сыромятников и Д. Н. Егоров. М. Н. Покровский и С. П. Моравский «стояли за безусловное исключение Византии из курса истории». Показательно, что они обосновывали такую позицию тем, что «подобное же сравнение с западными порядками допускает и русская поместная система, о которой говорится на уроках русской истории», так что Византия «становится лишним балластом»¹⁸. Итак, молодых историков интересовала проблема *закономерности исторического процесса*, сравнительно-исторический подход, в рамках которого оказывалось возможным обнаружить *феодальные порядки* не только в Западной Европе, но и в Византии и России («русская поместная система»).

В 1902 г. Б. И. Сыромятников получил стипендию «из благотворительных сумм», и в этом же году успешно прошел «испытание на степень магистра», хотя и без предоставления диссертации. Последнее обстоятельство не помешало ему 18 декабря 1902 г. быть утвержденным приват-доцентом по кафедре истории русского права, а также получить командировку за границу на два года для приготовления к профессорскому званию на средства Министерства просвещения, из расчета 1500 руб. на год¹⁹. С начала 1903 по начало 1905 г. он находился в научной командировке в Германии и Франции, «где работал по сравнительной истории права и специально над диссертацией о “феодализме в древней Руси”»²⁰. И, как утверждалось в отчете о командировке, составленном историком по возвращении из Европы, он поставил там перед собой специальную задачу — «изучение феодальных учреждений и феодального права важнейших европейских государств и народов Востока». В результате Сыромятников пришел к выводу, что «применение сравнительно-исторического метода в западноевропейской науке произвело целую революцию в умах историков и юристов» и что «при самых многообразных кли-

¹⁸ Извлечения из протоколов отделения преподавателей истории педагогического общества при Московском университете. Заседания 13 февраля, 15 марта и 26 апреля 1902 года // Вестник воспитания. 1903. № 5. [Отд.] V. Приложения. С. 195–196.

¹⁹ Сыромятников Б. И. Автобиография. Л. 9; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1902 год. М., 1903. С. 283, 13; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1906 год. Ч. 2. М., 1907. С. 101; Тихонов В. В. Жизнь и научная деятельность Б. И. Сыромятникова. С. 281.

²⁰ Сыромятников Б. И. Автобиография. Л. 9.

матических и географических условиях народы всех рас проходили однородные, типические стадии исторического развития»²¹.

Согласно наблюдениям В. В. Тихонова, именно во время этой поездки «формируются основные теоретико-методологические взгляды» Б. И. Сыромятникова. Исследователь полагает, что «их стержнем стал критический позитивизм. Сыромятников считал, что исторические исследования можно вести, лишь отталкиваясь от представлений об эволюционном характере развития общества, применении многофакторного подхода и сравнительно-исторического метода». Тихонов отмечает, что «в трактовке всемирно-исторического процесса он утверждал непреложность законов эволюции для всего человечества. По его мнению, Россия развивалась по тем же законам, что и Европа, но с некоторым запозданием»²². Заметим, что идеи о *непреложности законов эволюции* и применении *сравнительно-исторического метода* Сыромятникова интересовали еще до европейской поездки. И похоже, такой интерес у Бориса Ивановича сложился не без влияния марксистской литературы, а также определенной политической и научной среды. Можно даже предположить, что в европейскую поездку Сыромятников уже направился с намерением развития выработывавшихся у него теоретико-методологических установок; поэтому вопрос о «критическом позитивизме» как *стержне* с учетом сведений о марксистских интересах Сыромятникова нуждается в дополнительном прояснении. Это оказывается возможным сделать, обратившись к серии его публицистических статей, которые он пишет вскоре после своего возвращения из европейской командировки.

В Россию Б. И. Сыромятников приехал в 1905 г. Помимо прочего, он принял участие в работе левокадетских газет «Век» и «Современник», издававшихся в Москве в 1906 г. и закрытых по политическим мотивам властью в начале 1907 г. Кроме того, историк публиковал статьи на страницах уважаемых московских «Русских ведомостей». Среди его газетных статей времен Первой революции были и фельетоны, и отклики на политические события. Однако наибольший интерес для настоящей работы представляют тексты, в которых он старался анализировать политику с *научной* точки зрения, помещая текущую ситуацию в контекст закономерностей исторического развития. И, что примечательно, такие статьи сопровождалась даже ссылками на литературу, которые были характерны скорее для научных работ, а не для публицистических очерков.

В ноябре 1905 г., когда в стране шли дебаты, связанные с принятием Манифеста от 17 октября, Б. И. Сыромятников на страницах «Русских ведомостей» представил публицистическую статью, посвященную критике неославянофильства. Она открывалась следующим категоричным заявлением: «Не подлежит никакому сомнению, что Россия переживает в настоящий момент эпоху решительного перехода от разложившихся и выродившихся форм *полицейского* государства к формам государства *правового*». По Сыромятникову, ключевое различие этих двух форм государства состояло в следующем: «Если *старое* полицейское государство было построено по принципу *подчинения*, если в нем государственная власть, оставляя все политические права, смотрела на *народ*, как на “подданных”, на долю которых оставались одни лишь обязанности и долг верности, то *новое* правовое государ-

²¹ Цит. по: Муравьев В. А. Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси. С. 130–131.

²² Тихонов В. В. Жизнь и научная деятельность Б. И. Сыромятникова. С. 282.

ство ныне полагает краеугольным камнем государственного здания *права гражданина*. Если прежде единственным легальным представителем политической власти являлся *абсолютный монарх*, то теперь центр тяжести этой власти должен переместиться в сторону *народного представительства*. В связи с таким переходом, согласно Сыромятникову, российскому обществу «приходится усиленно заняться пересмотром и проверкой своей веры, своих убеждений, с тем чтобы выработать *определенное политическое мирозерцание*». Ведь теперь российскому обществу, как обществу *граждан*, а не *подданных*, предстояло не просто «*политически мыслить*, но и *политически жить*». И здесь возникала проблема: каким должно быть это новое *политическое мирозерцание*, какие идеи должны стать его основой? По мнению историка, была необходима «не утопия... не *слепая вера* в близкое пришествии «царства Божия на земле», а *реальный идеал*». Для определения же того, что такое реальный идеал, по мнению автора, надлежало «понять *сущность, историческую необходимость* эпохи, и только тогда *сознание* этой необходимости превратиться для нас в *субъективное убеждение*, в категорию *должного*, т. е. станет нашей целью. Мы должны, таким образом, ставить себе задачи, которые выдвигает *сама жизнь*»²³. Получалось, что достижимый идеал, к которому следовало стремиться в политике, было возможно определить только лишь через понимание исторических закономерностей, которые действуют в настоящий момент. Можно сказать, что Сыромятников думал вполне в духе диалектического суждения, что свобода — это осознанная необходимость. И эта осознанная необходимость выявлялась им на основе научного исторического анализа.

Примечательно то, к каким авторитетам Б.И. Сыромятников апеллировал в ходе таких рассуждений. Историк замечал, что мысль о необходимости ставить перед собой задачи, которые выдвигает жизнь, «блестяще формулировал К. Маркс в следующих словах: «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, а новые высшие производственные отношения никогда не появятся на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования на лоне этого порядка. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они по крайней мере находятся в процессе возникновения»». Не ограничившись знаменитой цитатой из труда Маркса «К критике политической экономии», Сыромятников привел высказывание видного марксиста А. Бебеля: «Мы глубоко верим... в закон прогресса. Как ни естественно желание рабочей массы не завтра, а нынче освободиться от тяжести экономического гнета, мы все-же знаем, что цель наша будет достигнута лишь тогда, когда общее развитие настолько продвинется вперед, что мы в силах будем пересоздать общество». Исходя из этого, Сыромятников давал следующую политическую рекомендацию: «Таким образом современные «строители жизни» должны строить свою программу деятельности не на слепой вере, а на *уверенности в жизненности* своего идеала, в том, что идеал этот не только возможно воплотить в жизнь, но что он не-

²³ Сыромятников Б. И. Неославянофильство и «русские» люди: в 2 ч. Ч. I // Русские ведомости. 1905. № 294. С. 2.

обходимо должен восторжествовать». Это же было возможно лишь в том случае, считал историк, если «мы проникнем в тайну исторического процесса»²⁴.

По мнению Б. И. Сыромятникова, неославянофилы типа С. Ф. Шарапова, как раз демонстрировали отсутствие понимания логики *исторического процесса*. Он заявлял: «Тщетны... усилия русских людей гальванизовать труп славянофильства... Жизнь безжалостно разрушает иллюзии... ибо нет такой силы, которая могла бы остановить колесо истории и повернуть его в противоположную сторону, *назад*»²⁵. И далее Сыромятников разъяснял читателям, в чем именно ошибались славянофилы в своем анализе истории: «Полагая в основание своей политической программы принцип *самобытности русской народности*, неославянофилы выступают в качестве идеологов так называемых “исконных” начал русской истории». Однако, как заявлял Борис Иванович, «новейшая историческая наука прочно установила понятие *национальности, как исторической категории*. Для нас теперь понятие *нации есть понятие культурно-историческое*». Соответственно, следовало выводить не историю народа из некоего «народного духа» и «исконных» начал, а следовать примеру новейших историков, которые «самую *нацию выводят из истории*, объявляя ее продуктом исторического развития». Собственно, *нация* для Сыромятникова — это «политически сплоченные народные организмы, единство которых покоится на общности исторической жизни многовекового культурно-экономического сотрудничества». Далее, развивая свою критику неославянофильства с позиций *современной исторической науки*, он утверждал: «Понятие “исконных”, вековечных начал в истории противоречит самой сущности *исторического процесса*». Последняя же заключается в следующем: «История каждого народа есть последовательная смена *политических и социально-экономических формаций* (выделено нами. — Авт.)... Одни явления в этом непрерывном процессе социального трансформизма исчезают, другие вновь возникают... Наблюдая историческую жизнь народов, мы можем говорить лишь о *смене эпох и смене начал*, образующих ту или иную *формацию* (выделено нами. — Авт.)».

История России не была исключением, и она, «подобно истории других стран, представляет смену государственных форм, из которых каждая покоится на своих собственных, присущих ей основаниях. Как в истории культурных народов древности и нового времени, так и у нас на смену примитивной демократии, патриархальных форм “народовластия” явился феодальный строй со всеми характерными признаками натурально-хозяйственной государственной системы. Феодальное государство так-называемого “удельного” периода постепенно развилось в организованную сословно-феодальную монархию... Конечно, исторический процесс не остановился на этой стадии; московская Русь, в свою очередь, уступила место полицейскому государству. Петр Великий открыл у нас эру просвещенного абсолютизма». Соответственно, «порвав, наконец, в период “великих реформ” с феодальной традицией, *Россия 17-го октября полагает ныне первое основание государства правового*». При этом Сыромятников указывал, что такие исторические переходы отнюдь не стоит рассматривать как результат некоей мирной, плавной эволюции. Они были результатом социальной борьбы: «В истории мы наблюдаем непрерывную борьбу социальных элементов, один общественный строй сменяет другой, и

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

в момент, когда старый порядок отживает свой век, совершается мирная или кровавая революция: новые общественные силы дают генеральное сражение пережившей себя традиции, и тогда открывается *новый исторический* период. Так было на Западе, так было и у нас».

В подтверждение этих слов Борис Иванович дополнительно проговаривал свою схему российской истории: «Вечевое начало погребло, едва начало развиваться удельно-феодалное раздробление, и на смену вольных волостей стала “вотчинная” Русь с ее княже-боярской земельной аристократией, разобравшей по рукам весь наличный запас народных *производительных сил* (выделено нами. — Авт.). Московское государство, в свою очередь, вступило в кровавую борьбу с княжьей и боярской феодальной традицией; в этой борьбе против титулованной и родовой аристократии московские государи опирались на служилое, мелкопоместное дворянство и “посадское” — городское — население. Такова была роль государственного террора — “опричины” Грозного, — такова же была роль московских “земских соборов” — “совета земли” с “великими государями”. Союз последних двух, новых, элементов имел своей целью окончательное низвержение политического феодализма и укрепление абсолютной монархии... московское государство уступило свое место государству полицейскому XVIII столетия». Сыромятников утверждал: «Россия готовится перейти, а фактически уже и перешла, к новым политическим формам, т. е. стать *правовым государством*. Движение это должно совершиться у нас в *том же самом направлении*, как и у других культурных народов»²⁶.

Итак, в статье Б. И. Сыромятникова не просто соединены научный анализ истории и политика. Фактически на уровне эскиза автор выстраивал собственную единую концепцию российской истории. И она формировалась на основе идеи о прогрессивном закономерном развитии человеческих сообществ, которые должны проходить схожие стадии исторического развития в связи с установленными наукой законами истории. Соответственно, в российской истории он выделил этапы *вечевой демократии, феодальной раздробленности, сословно-феодалной монархии, полицейского абсолютистского государства и правового государства*. Подчеркнем: он писал об этом не просто как историк, а как историк права, делая акцент именно на смене форм политической организации общества. Выделение же таких форм совершалось с применением сравнительно-исторического метода. Подразумевалось, что схожие формы политической организации можно обнаружить и у других народов на схожих стадиях социально-экономического развития. Ведь последнее фактически детерминировало смену одной формы другой. В связи с этим апелляция историка к идеям К. Маркса, А. Бебеля и К. Каутского, использование категорий *политические и социально-экономические формации и производительные силы*, а также представление истории закономерной сменой определенных стадий развития, позволяют говорить, что при построении целостной схемы российской истории, равно как и текущей политической ситуации, Сыромятников вдохновлялся марксистской мыслью. Это в том числе объясняет, почему в данной схеме у него практически не нашлось места для факторного анализа, в рамках которого как раз было возможно рассуждать о своеобразии истории России. Раз так, то неудивительно, что Борис Иванович в статье подверг критике не только славянофильство, но и со-

²⁶ Сыромятников Б. И. Неославянофильство и «русские» люди: в 2 ч. Ч. II // Русские ведомости. 1905. № 305. С. 3–4.

временную ему *академическую теорию русского исторического развития*, продолжающую «культивировать точку зрения “совершенного своеобразия” русской истории». Примером такого *культивирования* для историка оказались «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова, которого Сыромятников признавал одним «из лучших русских историков»²⁷.

Уже в январе 1906 г. на страницах «Русских ведомостей» Б. И. Сыромятников опубликовал аналитическую статью «О сущности конституции», посвященную проблеме определения возможности тех или иных политических и социальных преобразований в России. Ее первая часть открывалась эпитафией из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса: «Люди делают свою собственную историю, но делают ее не по своей вольной воле, но из обстоятельств, непосредственно данных и перешедших по традиции»²⁸. Отправной точкой сыромятниковских рассуждений было признание того, что во время революции «энтузиастам освободительного движения начинает казаться, что на развалинах только что разрушенного государственного здания нетрудно будет воздвигнуть любое новое сооружение общественного и политического порядка». Однако он указывал, что «революция — это лишь одна из форм процесса исторического развития; поэтому никакая революция не может освободить данное общество в данный момент от власти исторической необходимости, т. е. не может порвать преемственности общественных форм». Раз так, то «понятие революции вовсе не противоречит идее эволюции, т. е. идее закономерного развития человеческих обществ». И в таких рассуждениях он брал себе в союзники К. Маркса, А. Бебеля и Ф. Лассалья, заявляя, что «научный социализм был категорическим протестом против веры в “писанный разум”, против рационалистического идеализма и идеалистической философии. Он стал на эволюционную точку зрения и... апеллировал к “великому закону исторического движения”».

Итак, для учреждения действенной конституции после революции необходимо не просто наличие идеала политического устройства у революционеров, но и его соответствие определенной стадии развития общества. Ведь конституция представляет собой «юридическую санкцию, торжественное признание реального соотношения общественных элементов страны, установившейся классовой группировки. Конституция — это отражение правовой конструкции данного общественного строя». В связи с чем историк подчеркивал, что «современное государство — государство классовое, т. е. построенное по принципу общественного разделения труда. Подобное классовое расчленение общества, разбивая последнее на значительное число обособленных групп, в то же время спаивает его части в одно целое, скрепляя их взаимной зависимостью и подчинением». С точки зрения исторической динамики следствием является то, что «общественные силы благодаря этому совершенно разрознены в своих интересах, вся жизнь общества вращается в кругу социальных противоречий, и борьба классов становится как необходимым условием прогресса, так и неустранимым препятствием свободного развития культуры». Диалектически рассуждая, историк утверждал, что «классовое общество таит в себе необходимые условия дальнейшего развития начал свободы, но в то же

²⁷ Там же. С. 4.

²⁸ Цит. по: Сыромятников Б. И. О сущности конституции: в 2 ч. Ч. I // Русские ведомости. 1906. № 23. С. 2.

время содержит в своих недрах и неустранимые его сдержки». Фактически указывая на положение России, он писал: «Эти сдержки тем сильнее, чем слабее классовая дифференциация общества, т. е. чем ниже стоит данная страна по своему экономическому развитию, тем слабее сказываются в ней социальная дифференциация, классовые противоречия и сознание массами своих специальных интересов». Кроме того, дополнительные ограничения на изменения накладывала и консервативность человека как такового, что Сыромятников подкреплял мыслями Фр. Ницше и Ф. М. Достоевского²⁹.

Вторая часть статьи открывалась уже цитатой из известного бельгийского правого социалиста Э. Вандервельде. Б. И. Сыромятников проговаривал, ссылаясь на Ф. Энгельса и цитируя слова К. Маркса, что, с одной стороны, «если мы знаем, что “ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора”, то, с другой стороны, нам известно, что, погибая, она вместе с тем предопределяет в основных чертах новую формацию и тем самым намечает уже программу “нашего времени”». Переходя к положению России, историк заявлял, что «современная революция в России есть революция либеральная». Раз так, то следует принять за данность *либеральную конституцию*. Она является *необходимым этапом*, «через который неизбежно должна пройти Россия и который она не может обойти, какие бы к тому ни делались усилия со стороны утопистов-политиков». Однако это не означало, что *либеральную конституцию* следует объявить «конечной целью» прогрессивного развития русского общества». Отталкиваясь от рассуждений К. Каутского, а также упоминая социалиста-пацифиста Ж. Жореса и правых социалистов Э. Бернштейна и А. Мильерана, Сыромятников утверждал: «Основная тенденции современной социальной эволюции для нас ясны: решения демократической проблемы должны прийти не сверху... а снизу — путем экономического освобождения трудящихся классов... когда закончится процесс социально-экономического и культурного уравнивания общественных элементов»³⁰.

То, как Б. И. Сыромятников видел ближайшее будущее взаимодействия и борьбы политических сил в России в рамках чаемой им *либеральной конституции*, он описал в аналитической статье, первая часть которой вышла в газете «Век» 4 февраля 1906 г. Она начиналась следующим тезисом: «Современное общество — общество классовое». Далее историк разъяснял: «Это значит, что оно расчленено по внутреннему своему составу на целый ряд отдельных общественных групп, из которых каждая имеет свои особые признаки, отличающие ее от всех прочих. Такие группы и принято называть *классами*. В основе указанной классовой группировки лежит принцип общественного разделения труда, начало социальной дифференциации». По Сыромятникову, «отличительным признаком класса является прежде всего его экономическая роль в жизни страны. Сила и значение отдельного класса базируется, именно, на этом фундаменте, им-же определяется политический и социальный вес каждой данной общественной группы». Такое существование *классов* предполагало не только сотрудничество в рамках разделения труда. Историк утверждал, что раз «каждый класс имеет свои собственные интересы, и притом нередко пря-

²⁹ Сыромятников Б. И. О сущности конституции: в 2 ч. Ч. I. С. 2.

³⁰ Сыромятников Б. И. О сущности конституции: в 2 ч. Ч. II // Русские ведомости. 1906. № 29. С. 3.

мо противоположные интересам других общественных групп, то отсюда и получается “порочный круг” классовых *противоречий* и классовая *борьба*». Последней отводилось большое значение для исторического развития: «Антагонизм классов является необходимым и пока неустранимым условием прогресса, политического и культурного развития народов». По его мнению, именно на основе классового членения должна происходить организация политических сил и должны возникать политические партии, оказываясь «одним из слагаемых единого великого целого — государства»³¹.

Характеризуя роль *партий* в обществах, где социальное «расчленение достигло высокой степени, где классы в значительной мере самоопределились, в хозяйственном развитии страны с достаточной глубиной [расчленение] отмежевало каждому общественному слою его сферу деятельности», Б. И. Сыромятников замечал: «Там деление на политические партии приобретает полную ясность, и политическая жизнь нации выливается в формы урегулирования “парламентской” борьбы». Это означало, что «крупные политические партии выступают тогда во всеоружии организованных сил и в сознании своих классовых интересов. В таком случае они приобретают значение государственных институтов, и в системе “парламентаризма” становятся *основным законом* “конституции”, рычагом, приводящим в движение сложную машину правового государства»³².

Обращая взгляд на современное состояние России, Б. И. Сыромятников утверждал, что в ней «нация едва начинает впервые политически самоопределяться» и «процесс классовой дифференциации только начинает приобретать более или менее ясные черты глубокого внутреннего перерождения хозяйственного строя страны». Как результат, общество «разбивается на массу мелких общественных фракций, которые имеют чисто случайное происхождение и ни в каком смысле не могут считаться политическими “партиями”». Тем не менее историк полагал, что «уже теперь можно наметить основную тенденцию среди нашего общества к образованию крупных партийных организаций»³³. И далее (в статье от 6 февраля) Сыромятников переходил к анализу этой тенденции. Прежде всего, он упоминал Торгово-промышленную партию, которая «является представительницей и выразительницей интересов *крупной буржуазии*. По своим принципам она стоит на точке зрения *буржуазного либерализма*, хотя и весьма примитивного у нас». Затем он указывал на ее антипод — социал-демократическую партию, чей классовый характер как «*пролетарской*» рабочей партии не подлежит ни малейшему сомнению и... ее будущее безусловно вполне обеспеченно». Будучи «выразительницей интересов рабочего класса», она «в основу своей платформы полагает принцип чистого *демократического социализма*». Срединное место между этими двумя партиями Сыромятников отводил конституционно-демократической партии, которая, хотя и усиленно подчеркивала «свое внеклассовое значение, носит все признаки партии мелкобуржуазной, и, как таковая, она стоит под знаком *демократии*». Так как в ее ряды «входят люди среднего и мелкого достатка, и постольку она включает в себе более или менее пролетаризированные слои представителей интелли-

³¹ Сыромятников Б. И. Политические партии и классовая борьба: в 2 ч. Ч. I // Век. 1906. № 32. С. 1.

³² Там же.

³³ Там же.

гентных и иных профессий, она открыто заявляет свои симпатии «социализму»». Данное наблюдение Сыромятников сопроводил отсылкой к Марксу, отмечавшего такие тенденции при характеристике средних классов Германии в 1847 г. Историк подчеркивал, что внеклассовость партии кадетов является *фикцией* и «легко объясняется тем фактом, что мелкая буржуазия, как социально-экономическая категория, является действительно *средним классом*, который... питается на счет всех других классов». Это приводит к тому, что «в своей политике мелкая буржуазия всегда отличается меньшей устойчивостью, постоянно колеблясь между крайними полюсами общественной жизни». Раз так, то кадеты имеют «своим основанием начало *демократического либерализма*».

В связи с этим крайне примечательно, как Сыромятников характеризовал другие партии, у которых он не видел четкого классового основания. Например, он отказывался принимать всерьез правые партии «истинно русских», полагая, что «реакция принадлежит прошедшему». Социал-революционеров он считал *партией момента*, чье будущее ничтожно. Что же до «Союза 17 октября», то, указав на *буржуазно-консервативный* характер его деятельности, историк утверждал, что он эволюционирует в партию аграриев-землевладельцев. И в заключение Сыромятников затрагивал проблему возможности образования в России «крестьянско-демократической партии». По его мнению, «в России, подобно тому, как и на западе, крестьянство не образует особой чисто крестьянской партии». Ведь ««крестьянство» далеко не является однородной массой, оно само представляет из себя сильно дифференцированную общественную среду, где борются самые противоположные интересы». Соответственно, «деревенская плутократия “хозяйственных мужичков”» будет тяготеть к партии аграриев, а *маломочные элементы и сельский пролетариат* будут голосовать «отчасти за демократических, отчасти социалистических кандидатов». При этом он напоминал про «*консерватизм*, присущий земледельческому населению», который может сближать его в сфере политики с «землевладельческими элементами страны. У партии аграриев есть тоже свой “демос”»³⁴.

Таким образом, в своих рассуждениях о перспективах развития политического строя в России Б. И. Сыромятников вполне следовал логике марксистского *классового* анализа, обращаясь к соответствующим категориям, включая и важнейшую — *классовую борьбу*. Правда, его подход представлял марксизм не в его левом революционном изводе, а скорее в правом, близком построениям Э. Бернштейна. В целом же к 1906 г. Сыромятников вполне мог быть охарактеризован в своих теоретико-методологических взглядах если не как марксист, то хотя бы как сторонник марксистского подхода, в центре которого был анализ соотношения классовых сил, в итоге и определявшего политический строй государства.

К концу 1906 г. революция пошла на спад, и публицистический пыл Б. И. Сыромятникова охладился, что благоприятно сказалось на его переключении на академическую деятельность. В декабре 1906 г. он публикует большую научную статью «Основные моменты в развитии исторической мысли» в кадетском журнале «Русская мысль». Она открывалась примечательными утверждениями: «Материальная и духовная культура тесно, органически связаны между собой. Они образуют единое *социальное* явление, живут общей жизнью и повинуются одному и тому же за-

³⁴ Сыромятников Б. И. Политические партии и классовая борьба: в 2 ч. Ч. II // Век. 1906. № 34. С. 1.

кону развития». Соответственно, для объяснения мыслей человека, как существа общественного, необходимо понимать, что «социальный элемент проникает в самую сердцевину его идей и, так сказать, формирует их. И эта глубокая внутренняя зависимость человеческой мысли от социальной среды не менее рельефно выступает и в сфере развития исторических идей». Затем он рисовал «общую картину эволюции исторического мышления»³⁵.

В завершение своего очерка Б. И. Сыромятников указывал на произошедший *глубочайший переворот* в исторической науке. Этому она была обязана «новому методу исследования, методу историко-сравнительному, который начал находить особенное распространение с 80-х годов XIX столетия и в течение четверти века совершенно преобразил исторические науки». Благодаря его применению стало понятно, что «под различными широтами, при самых многообразных климатических и географических условиях, народы всех рас на пространстве тысячелетий проходили одни и те же *типические* стадии исторического развития. Конечно, далеко не все из этих народов прошли все основные этапы социальной эволюции, но тем не менее всюду мы видим аналогичные явления, характерную *последовательность* в смене *политических и социально-экономических формаций* (выделено нами. — Авт.)»³⁶. Такие рассуждения вполне соответствовали тому, о чем историк писал на страницах российских газет в 1905–1906 гг. Правда, в этой статье Сыромятников не ссылаясь на К. Маркса, хотя единожды и упомянул К. Каутского.

Отметим, что Б. И. Сыромятников избегал ссылок на авторов-марксистов и в своих академических публикациях по русской истории, включая обзорную статью 1909 г. «История верховной власти в России»³⁷ и фундаментальный «Очерк истории суда в древней и новой России» 1915 г.³⁸, хотя и использовал в них соответствующие обобщающие социологические категории. Последнее обстоятельство в некоторых случаях оказывалось поводом для критики. Так, в 1913 г. В. А. Мякотин писал, что Сыромятников в своих взглядах на историю России, изложенных еще в статье 1909 г. «История верховной власти в России», «кое в чем довольно значительно» расходится со взглядами, «общепринятыми в русской исторической науке»³⁹. Схожим образом в 1915 г. Н. С. Тимашев в отзыве на сыромятниковский «Очерк истории суда в древней и новой России» поместил такое критическое замечание: «Автор в некоторых случаях без особых оснований примыкает к вызывающим большое сомнение историческим теориям и историологическим воззрениям. Он считает само собой разумеющимся приравнение наших удельных порядков феодализму, а в историческом процессе видит какое-то “диалектическое развитие”»⁴⁰.

³⁵ Сыромятников Б. И. Основные моменты в развитии исторической мысли // Русская мысль. 1906. № XII. С. 71.

³⁶ Там же. С. 93, 94.

³⁷ Сыромятников Б. И. История верховной власти в России // Критическое обозрение. 1909. Вып. IV. С. 5–18.

³⁸ Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа: в 2 т. Т. I. М., 1915. С. 16–180.

³⁹ [Мякотин В. А.] Рец. на кн.: Сыромятников Б. И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти. М., 1913 // Русское богатство. 1913. № 8. С. 378.

⁴⁰ Тимашев Н. С. Рец. на кн.: «Судебная реформа». Под редакцией Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. Т. I. Москва. 1915 // Журнал министерства юстиции. 1915. № 6. С. 388.

Итак, можно сказать, что в газетных статьях Сыромятников-публицист открыто указывал на идейные источники своих теоретико-методологических взглядов, используя соответствующую терминологию. В академических же сочинениях, особенно по истории России, он явно ограничивал себя в высказываниях такого рода. И, как видно из приведенных замечаний, это не всегда спасало его от критики.

На наш взгляд, самоограничение такого рода было связано со спецификой положения историков-марксистов в изучении русской истории до 1917 г. Конечно, с конца XIX в. определенную популярность среди отечественных историков имел так называемый «экономический материализм». Однако, согласно воспоминаниям П. Н. Милюкова, описывавшим интеллектуальную атмосферу конца XIX в., это отнюдь не означало интереса именно к К. Марксу. Историк писал: «...“экономический материализм” был в моде на Западе раньше и независимо от Маркса. Теоретические сочинения об этом и образцы научных работ до нас уже доходили (Лориа, Торольд Рождерс). Несколько позднее мы познакомились и с первым томом “Капитала” в переводе Бакунина и во французском сокращенном изложении Малона. Но понятие “экономического материализма” у нас не смешивалось с марксизмом»⁴¹. Как отмечал А. Н. Цамутали, «Милюков упорно подчеркивает, что, знакомясь с трудами Маркса, он отнюдь не становился сторонником марксизма»⁴². В другом мемуаре Милюков не без иронии говорил про своего «младшего современника» М. Н. Покровского: «Мы вместе пережили полосу увлечения “экономическим материализмом”, жаждали его применения к русской истории — и не сразу узнали, что Покровский обскакал нас, перейдя от модной теории в ее общем виде к тому специальному употреблению, какое сделано из нее в учении Маркса и Энгельса»⁴³. Примечательно, что Покровский не смог занять в России значимой академической позиции. Кроме того, на академической периферии был другой ученик В. О. Ключевского и историк-марксист Н. А. Рожков, а также рано умерший Н. П. Павлов-Сильванский, проявлявший интерес к идеям К. Маркса⁴⁴. При этом и над Покровским, и над Рожковым после 1907 г. довели политические ярлыки деятелей РСДРП, в то время как в профессорской среде большей популярностью пользовались кадеты и октябристы.

Б. И. Сыромятников не собирался связать свою карьеру с политическим активизмом и рассчитывал на успешную карьеру историка русского права. К 1917 г. он стал экстраординарным профессором Константиновского межевого института, где преподавал историю русского права и русского землевладения, а также принял участие в коллективных изданиях, в которых авторами были такие историки, как М. М. Богословский, А. А. Кизеветтер, М. В. Клочков, В. И. Пичета («Книга для чтения по истории Нового времени» 1911 г.), С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, Ю. В. Готье, М. К. Любавский («Освобождение крестьян: деятели реформы» 1911 г.). Едва ли можно было позволить себе, являясь частью научного сообщества русских историков, оставаться полностью свободным от господствующих в нем теоретико-методологических предпочтений, в рамках которых марксизм занимал если не

⁴¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 76.

⁴² Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 162.

⁴³ Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 508.

⁴⁴ Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии... С. 205–251.

маргинальное, то периферийное место. Все это накладывало определенные ограничения на свободу высказываний историков, симпатизировавших марксистскому подходу и рассчитывавших на успешную академическую карьеру. Как результат, если в формате газетной публицистической статьи Сыромятников мог позволить открыто апеллировать к идеям Маркса и его последователей, то формат академических публикаций накладывал на него ограничения, в связи с чем он несколько затушевывал в них свои симпатии к Марксу. Стоит отдать ему должное: это у него неплохо получилось.

Например, в 1996 г. М. Б. Свердлов в своем фундаментальном историографическом исследовании об общественном строе Древней Руси в русской исторической науке, обратившись к упоминавшейся статье Б. И. Сыромятникова 1909 г., пришел к выводу, что в предложенной им схеме «легко узнается историческая концепция кадетской партии»⁴⁵. Однако схема из данной статьи, намеченная Сыромятниковым еще в конце 1905 г. в «Русских ведомостях», с минимальными изменениями была воспроизведена в 1940 г. на страницах советского научного журнала «Советское государство и право», ответственным редактором которого был А. Я. Вышинский! В этом журнале Сыромятников рассуждал, что «древняя Русь в результате жестокой классовой борьбы покончила в конце концов со своей земско-волостной демократией... создав на ее развалинах удельно-феодальную Русь», которую в XVI в. также в результате *социальной борьбы* сменила «сословно-представительная феодальная монархия», уступившая, в свою очередь, «абсолютной монархии Российской империи XVIII–XIX столетий»⁴⁶. Пропагандировал ли журнал «Советское государство и право» историческую концепцию кадетской партии? Едва ли. Скорее, в работе 1909 г. Сыромятников довольно удачно затушевывал взаимосвязь своей концепции с идеями К. Маркса. Ирония истории: то, что затрудняло восприятие сыромятниковских научных идей до 1917 г., затем способствовало встраиванию Б. И. Сыромятникова в советскую историческую науку, несмотря на всю его нелюбовь к советской власти. Ему не надо было спешно и из-под палки изучать классиков марксизма, не говоря о том, чтобы пытаться как-то согласовать свои дореволюционные научные убеждения с идеологическими требованиями новой власти. Он знал базовые постулаты и аналитические категории учения Маркса и применял их в своей научной практике еще с начала XX в.

Таким образом, историографический казус Б. И. Сыромятникова позволяет сделать вывод не только о том, что в начале XX в. марксистские идеи имели определенное распространение в среде специалистов по русской истории. Более важным в его случае для нас является то, что согласие с ключевыми постулатами Маркса о закономерностях истории отнюдь не означало принадлежности историка к одной из социалистических партий. Соответственно, определение политических симпатий историка отнюдь не является универсальным ключом к теоретико-методологическим основам его творчества. Кроме того, можно сказать, что в начале XX в. в среде специалистов по русской истории увлечение историко-социологическими построениями в духе К. Маркса явно не приветствовалось, что накладывало огра-

⁴⁵ Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996. С. 156.

⁴⁶ Сыромятников Б. И. Из истории политических учений в России // Советское государство и право. 1940. № 10. С. 24–25.

ничения как на распространение идей марксизма в академической среде, так и на возможность их высказывания в научных публикациях. В свою очередь, это означает, что при изучении творчества историка необходимо максимально учитывать его тексты всех жанров. Ведь то, что не всегда было возможно написать в научной статье, оказывалось возможным высказать в текстах иного рода.

References

- Belenkii I. L. Boris Ivanovich Syromiatnikov (1874–1947). *Rossia i sovremennyi mir*, 2002, no. 4, pp. 204–213. (In Russian)
- Gorskaia N. A. *Boris Dmitrievich Grekov*. Moscow, IRI RAN Publ., 1999, 269 p. (In Russian)
- Durnovcev V. I., Tihonov V. V. *The Life and Works of Historian B. I. Syromiatnikov*. Moscow, “Kanon+” ROII “Reabilitaciia” Publ., 2012, 480 p. (In Russian)
- Miliukov P. N. *Essays on the History of Historical Science*. Moscow, Nauka Publ., 2002, 539 p. (In Russian)
- Emmons T. On the Problem of Russia’s “Separate Path” in Late Imperial Historiography. *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State*. Ed. by Th. Sanders. New York, M. E. Sharpe, 1999, pp. 163–187.
- Muravev V. A. B. I. Syromiatnikov about Formation of Feudal Relations in Ancient Russia. *Istoriia i istoriki. Istoriograficheskii ezhegodnik*. 1973. Ed. by M. A. Nechkina. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 128–160. (In Russian)
- Muravev V. A. Syromiatnikov Boris Ivanovich (1874–1947). *Istoriki Rossii. Biografii*. Ed. by A. A. Chernobaev. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, pp. 524–530. (In Russian)
- Muravev V. A. *Theories of Feudalism in Russia in Russian Historiography of the Late 19th — Early 20th Centuries*. Moscow, Kvadriga Publ., 2017, 400 p. (In Russian)
- Sverdlov M. B. *Social System of Ancient Russia in Russian Historical Science of 18th–20th Centuries*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996, 330 p. (In Russian)
- Tikhonov V. V. Life and Science Activity of B. I. Syromyatnikov. *Istoriia i Istoriki: Istoriograficheskii Vestnik*. 2007. Ed. by A. N. Sakharov. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 281–308. (In Russian)
- Tikhonov V. V. *The Historian of “Old School”. Scientific Biography of B. I. Syromyatnikov*. Pisa, Pisa University Press, 2008, 178 p. (In Russian)
- Tkachenko P. S. *Moscow Students in the Social and Political Life of Russia in the Second Half of 19th Century*. Moscow, Moscow University Press, 1958, 336 p. (In Russian)
- Tsamutali A. N. *The Struggle of Trends in Russian Historiography during Imperialism*. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 331 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2018 г.

Рекомендована в печать 8 июня 2020 г.

Received: November 17, 2018

Accepted: June 8, 2020